

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ | TOPICAL ISSUES

«Климатический приговор» ископаемому топливу: исполнить нельзя отменить

И. В. Гудков¹, М. Л. Энтин²

1 МГИМО МИД России, Москва, Россия
7905821@mail.ru
ORCID: 0009-0005-0613-0986

2 МГИМО МИД России, Москва, Россия
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Аннотация

В статье показано, что за последние пять лет в мире состоялось ползучее фундаментальное реформирование международного режима защиты климата по сценарию «зеленой энергетической революции» (форсированного перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии к 2050 году). Теперь это признано Международным Судом, который в июле 2025 года принял консультативное заключение, фиксирующее беспрецедентно негативное отношение к ископаемому топливу. Сформированные универсальные климатические стандарты способны оказать содействие практической реализации сценария «зеленой энергетической революции». Порождая риски легитимной дискриминации углеводородного сырья, они закладывают регулятивные рамки для перевода мировой экономики в новый технологический уклад с перераспределением баланса геополитических и геоэкономических сил в мире. Отмена или изменение универсальных климатических стандартов, отражающих сценарий «зеленой энергетической революции», потребовали бы безотлагательного и юридически аргументированного демонтажа консенсуса, которым эти стандарты оформлены, в целях расчистки пути, открывающего возможности для продвижения альтернативных сценариев глобального «зеленого перехода». Сделан вывод о том, что «развилка принятия решений», перед которой международное сообщество стоит накануне очередной 30-й конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата, включает: (1) согласие на безальтернативность и необратимость сценария всеобщей «зеленой энергетической революции» с принятием всех сопутствующих рисков и дисбалансов или (2) инициирование на международном уровне реформирования данного сценария. Третий путь — игнорирование универсальных стандартов, отражающих идеологию «зеленой энергетической революции», с одновременным

конструированием противоречащих им национальных стандартов, — является контрпродуктивной стратегией, поскольку юридически молчание будет приравнено к согласию, а материализация рисков, вытекающих из несоответствия национальных правил универсальным стандартам, станет лишь вопросом времени.

Ключевые слова: климат, мировое климатическое право, выбросы парниковых газов, ископаемое топливо, энергетическое право, энергетический переход, Международный Суд

Для цитирования: Гудков И. В., Энтин М. Л. «Климатический приговор» ископаемому топливу: исполнить нельзя отменить. *Журнал ВШЭ по международному праву / HSE University Journal of International Law*. 2025. Том 3. № 3. С. XX–XX.

¹ Гудков Иван Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования ТЭК МИЭП.

² Энтин Марк Львович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека.

“The climate verdict” on fossil fuels: enforcement impossible cancellation

I. V. Gudkov¹, M. L. Entin²

1

MGIMO University, Moscow, Russia
7905821@mail.ru
ORCID: 0009-0005-0613-0986

2

MGIMO University, Moscow, Russia
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Abstract

This article describes that over the past five years, the world has witnessed a creeping, fundamental reform of the international climate protection regime, following the “green energy revolution” scenario (an accelerated transition from fossil fuels to renewable energy sources by 2050). This has now been recognised by the International Court of Justice, which issued an advisory opinion in July 2025, expressing an unprecedentedly negative attitude toward fossil fuels. These universal climate standards have the potential to facilitate the practical implementation of the “green energy revolution” scenario. By raising the risk of legitimate discrimination against fossil fuels, they lay the regulatory framework for the transition of the global economy to a new technological order, with a redistribution of the balance of geopolitical and geoeconomic forces in the world. The repeal or modification of universal climate standards reflecting the “green energy

revolution" scenario would require the immediate, legally justified dismantling of the consensus that frames these standards, in order to clear the way for the advancement of alternative global "green transition" scenarios. It is concluded that the "decision fork" facing the international community on the eve of the 30th Conference of the Parties to the Framework Convention on Climate Change includes: (1) agreeing to the inevitability and irreversibility of the global "green energy revolution" scenario, accepting all its attendant risks and imbalances, or (2) initiating the reformation of this scenario at the international level. The third way — ignoring universal standards that reflect the ideology of the "green energy revolution" while simultaneously constructing national standards that contradict them — is a counterproductive strategy, since legally silence will be equated with consent, and the materialization of risks arising from the inconsistency of national regulations with universal standards will only be a matter of time.

Key words: climate, world climate law, greenhouse gas emissions, fossil fuels, energy law, energy transition, International Court of Justice

Citation: Gudkov I.V., Entin M.L. "The climate verdict" on fossil fuels: enforcement impossible cancellation. *HSE University Journal of International Law*. 2025. Vol. 3. No. 3. P. XX–XX.

¹ **Ivan V. Gudkov** — candidate of sciences in law, associate professor of the department of legal regulation of the fuel and energy complex.

² **Mark L. Entin** — doctor of sciences in law, professor, head of the department of integration law and human rights.

Тот, кто сможет на практике принять участие в формировании нового облика энергетики, получит возможность опережающего экономического и технологического роста.

И. И. Сечин, Новый облик мировой энергетики¹

Введение

Современный мир переживает эпоху глубоких исторических перемен. То, каким станет новый мировой порядок, в значительной степени зависит от целевого образа будущего мировой энергетики, являющейся материальной базой экономического и социального развития человечества в условиях повсеместного внедрения систем искусственного интеллекта.

Дискуссия по этому вопросу ведется в широком контексте глобальной эколого-климатической повестки, которая призвана найти ключ к устойчивому существованию человека в гармонии с окружающей его природной средой.

¹ Сечин, И. И. (2025). Новый облик мировой энергетики. *Вестник МГИМО-Университета*, 18(4), 139.

Мейнстримовским сценарием стал проект «зеленой энергетической революции», направленный на вытеснение к 2050 году возобновляемыми источниками энергии (далее — ВИЭ) ископаемого топлива с главенствующих позиций в мировом энергетическом балансе.

Этот разработанный Международным энергетическим агентством (далее — МЭА) сценарий преподносится как средство решения климатической проблемы: достижения к середине этого века «нетто-нулевого» показателя выбросов парниковых газов в мире. Он предполагает запрет на новые долгосрочные инвестиции в ископаемое топливо и максимизацию использования ВИЭ в качестве источников, замещающих его при удовлетворении текущего и нового спроса².

При том что основным антагонистом этого сценария на мировой арене выступает ОПЕК, резко критикующая тезис о «начале конца эпохи ископаемого топлива»³, организация не предложила иной сценарий. В то же время контуры альтернативных проектов «чистого энергетического будущего», основанных на гибком сочетании традиционной и нетрадиционной энергетики, хорошо известны (Гудков, Энтин, 2025с).

В частности, автор вынесенной в качестве эпиграфа к настоящей статье цитаты, глава компании «Роснефть», к.э.н. И. И. Сечин, аргументированно обосновывает, что

глобальная энергетическая модель будущего требует интеграции высокоплотных традиционных и низкоуглеродных источников энергии, усиления межтопливной конкуренции и согласования национальных стратегий с глобальными приоритетами (Сечин, 2025, с. 137).

Являясь одним из наиболее авторитетных и последовательных критиков «зеленой энергетической революции», он на базе реальных экономических данных вскрывает риски ее неэффективности и ресурсной необеспеченности, а также подвергает сомнению лежащий в ее основании тезис об антропогенной природе изменения климата, ссылаясь на научные источники, в которых обосновываются альтернативные причины глобального потепления.

За дебатами об экономических аспектах будущего мировой энергетики важно не упустить юридическую подоплеку работы по конструированию универсальных стандартов климатически-приемлемого поведения, системно ведущейся на международном уровне.

² IEA. (2021). Net Zero by 2050. <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050>

³ Боровикова, К. (2023, 9 октября). ОПЕК и МЭА не сошлись спросом. Картель ожидает сохранения доминирования нефти на энергорынке в ближайшие 20 лет. *Коммерсантъ*.

Универсальные стандарты создают международно-правовые рамки деятельности государств, служат мерилom допустимого в международных отношениях и поэтому оказывают стратегическое воздействие на определение целевой конфигурации глобальной энергетической модели будущего.

В июле 2025 года Международный Суд (далее — МС, Суд) вынес исторически значимое консультативное заключение о международно-правовых климатических обязательствах государств⁴, которым прояснил содержание универсальных стандартов в сфере защиты климата, признав за ними серьезный правовой эффект. В заключении зафиксировано беспрецедентно негативное отношение к ископаемому топливу: деятельность в области углеводородного сырья названа реально вредоносной и потенциально незаконной (Гудков, Энтин, 2025b).

В настоящей статье показано, что внедренные на сегодняшний день универсальные климатические стандарты не только отражают сценарий «зеленой энергетической революции», но и способны оказать содействие его практической реализации. Они порождают риски легитимной дискриминации углеводородного сырья и сопутствующих активов под предлогом защиты признаваемого всем международным сообществом публичного эколого-климатического интереса и закладывают регулятивные рамки перевода мировой экономики на новый технологический уклад с перераспределением баланса геополитических и геоэкономических сил в мире. Отмена или изменение универсальных климатических стандартов, отражающих сценарий «зеленой энергетической революции», потребовали бы безотлагательного демонтажа консенсуса, которым эти стандарты оформлены, в целях расчистки пути, открывающего возможности для продвижения альтернативных сценариев глобального «зеленого перехода».

В первой части статьи рассмотрена эволюция международного режима защиты климата. Во второй части проанализированы юридические последствия применения сформированных универсальных климатических стандартов, раскрыт их значительный практический потенциал, показана проблема дисбаланса современной глобальной климатической политике. В третьей части представлены результаты исследования «развилки принятия решений», перед которой стоит международное сообщество накануне очередной 30-й конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата (далее — РКИК).

⁴ International Court of Justice. Obligations of states in respect of climate change. Advisory opinion of 23 July 2025. <https://www.icj-cij.org/case/187>

1. Эволюция международного режима защиты климата

В течение последних пяти лет впервые за более чем тридцатилетнюю историю международного режима защиты климата на универсальном межправительственном уровне были зафиксированы установки, последовательно дискредитирующие ископаемое топливо (Гудков, Энтин, 2025с).

В 2021 году КС–26 консенсусом всех государств приняла решение — так называемый Климатический пакт Глазго — в котором наряду с фиксацией количественных и временных параметров глобальной «нетто-нулевой» установки, впервые было снято табу на регулирование энергетических отношений в рамках глобальной климатической повестки. В решении была зафиксирована установка на «поэтапное сворачивание» (англ.: *phase down*) «угольной электроэнергетики с несокращенными выбросами» (англ.: *unabated coal power*)⁵.

В 2022–2023 годах Межправительственная группа экспертов по изменению климата (далее — МГЭИК) приняла доклады Шестого оценочного цикла, в которых были дискредитированы все виды ископаемого топлива, не только уголь. В этих докладах, основанных на постулате об антропогенной природе изменения климата, впервые в явно выраженной форме была зафиксирована прямая связь между защитой климата от антропогенных выбросов парниковых газов и необходимостью корректировки энергетических политик (Гудков, 2023). Поскольку МГЭИК является универсальной межправительственной структурой, основные выводы ее докладов утверждаются на построчной основе консенсусом официальных представителей всех государств. По этой причине они формально являются плодом универсального межправительственного научно-политического согласия (Гудков, 2023).

МГЭИК закрепила установки на сокращение использования в мире всех видов ископаемого топлива. В качестве научно согласованных средств достижения основной глобальной температурной цели (удержания роста средней температуры на уровне ниже 1,5°C) были закреплены установки на достижение в мире следующих результатов к 2050 году:

- «*существенное сокращение в общем объеме*» использования всех видов ископаемого топлива, при сохранении «*минимального*

⁵ UNFCCC. (2021). Decision 1/CMA.3 Glasgow Climate Pact. Paragraph 20. <https://unfccc.int/decisions?f%5B0%5D=conference%3A4301>

использования» «ископаемого топлива с несокращенными выбросами» (англ.: *unabated fossil fuels*)⁶.

- «в сценариях с наибольшей вероятностью ограничения потепления 1,5°C... без использования технологий улавливания и хранения углерода, использование угля, нефти и газа должно сократиться в среднем на 100, 60 и 70 процентов соответственно» (IPCC, 2022: Summary for Policymakers, 2022, para. C 3.2).

Исходя из используемой МГЭИК терминологии, сокращение выбросов у источников не эквивалентно поглощению парниковых газов из атмосферы. Технологическое улавливание и хранение углерода (англ.: *carbon capture and storage — CCS*) осуществляется у источников для сокращения фактического объема выбросов: улавливаемые парниковые газы не попадают в атмосферу, а направляются в хранилище. В свою очередь, устранение углекислого газа из атмосферы, в том числе его природное поглощение, направлено не на сокращение актуальных выбросов у источников, а на уменьшение в атмосфере концентрации ранее попавших туда парниковых газов. Устранение углекислого газа из атмосферы служит механизмом компенсации (балансировки) тех выбросов, объем которых у источников фактически не сокращен, и для него в глоссарии МГЭИК предусмотрена отдельная, отличная от CCS, категория: *CDR — carbon dioxide removal* (Гудков, 2023).

Ископаемым топливом «с несокращенными выбросами», то есть климатически-неприемлемым, подлежащим сведению к минимуму, МГЭИК считает «топливо, произведенное и используемое без вмешательств, которые существенно сокращают объемы парниковых газов, выбрасываемых в течение жизненного цикла, например, улавливающих 90% или более CO₂ от электростанций или 50–80% от фугитивных выбросов метана при энергетических поставках»⁷.

Таким образом, маргинализируется роль устранения парниковых газов из атмосферы, в том числе природного поглощения. По логике МГЭИК, в период до достижения мирового «нетто-нуля» роль природного поглощения сводится к компенсации лишь тех выбросов, которые технологически не могут быть существенно сокращены у источников. Модели, разработанные

⁶ Параграф С 3.2 «резюме для политиков» Шестого оценочного обобщающего доклада МГЭИК. Lee, H., Romero, J. (Eds.) (2023). *Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers*. Intergovernmental Panel on Climate Change. https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf

⁷ Lee, H., Romero, J. (Eds.) (2023). *Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers*. Intergovernmental Panel on Climate Change. P. 20, 28. https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf

в рамках актуальных климатических исследований, демонстрируют, что для достижения основной глобальной температурной цели сокращение выбросов от общемировой инфраструктуры ископаемого топлива у источников должно осуществляться на уровне не менее 95%, и только оставшиеся максимум 5% технологически несокращаемых выбросов могут быть компенсированы устранением эквивалентного объема парниковых газов из атмосферы (Bataille et al., 2025).

Комментируя Шестой оценочный доклад МГЭИК, директор энерго-климатической программы Центра международного экологического права Н. Райш отметил:

Наука не оставляет сомнений: мы не можем бороться с изменением климата, не остановив все новые нефтяные, газовые и угольные проекты и не закрыв действующие объекты добычи ископаемого топлива. Доклад МГЭИК AR6 в очередной раз предупреждает правительства и корпорации: каждый день и каждый доллар, потраченный ими на поддержку и закрепление экономики, основанной на ископаемом топливе, способствует росту числа смертей и ущерба, а также увеличивает вероятность превышения 1,5°C. Неспособность согласовать свою политику и практику с научными данными недопустима с позиций предотвращения катастрофического ущерба для людей и планеты, что является колоссальным нарушением и влечет за собой растущий риск ответственности⁸.

В конце 2023 года в решении КС–28, принятом в Абу-Даби, был провозглашен призыв *«перейти прочь от ископаемого топлива в энергетических системах»* (англ.: *transitioning away from fossil fuels in energy systems*) к 2050 году и утроить установленные в мире мощности ВИЭ уже к 2030 году⁹.

Решение КС-28, впервые в истории поставившее энергетический переход «прочь от ископаемого топлива» в центр глобальной климатической политики и торжественно преподнесенное общественности как документ, формально закрепивший *«конец эры ископаемого топлива»*¹⁰, ярко продемонстрировало высокую эффективность «зеленого лобби», действующего с оглядкой на МЭА, его способность добиваться результата не числом, а умением.

⁸ CIEL. (2023, March 20). IPCC sums up latest climate science: rapid fossil phase-out is surest path to avoiding climate catastrophe, no time for false solutions.

<https://www.ciel.org/news/ipcc-sums-up-latest-climate-science/>

⁹ UNFCCC. Decision FCCC/PA/CMA/2023/L.17 of 13 December 2023. Paragraph 28.

https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf

¹⁰ UNFCCC. (2023). UN Climate Press Release. COP28 Agreement signals “beginning of the end” of the fossil fuel era.

<https://unfccc.int/news/cop28-agreement-signals-beginning-of-the-end-of-the-fossil-fuel-era>

Несмотря на то что конференция проводилась в столице нефтедобывающего государства и на ней присутствовало рекордное количество представителей нефтегазового бизнеса, усилия ОПЕК убедить своих членов предотвратить принятие документа, содержащего какие-либо ссылки на ископаемое топливо, а не только на эмиссии парниковых газов, оказались тщетными (Гудков, 2024, с. 360).

В то же время текст решения, принятый по итогам сложнейших переговоров, беспрецедентно затянувшихся из-за споров, возникших именно в связи с формулировкой об энергетическом переходе, оказался весьма близок к воспроизведению юридических рекомендаций Центра международного экологического права, опубликованных почти за месяц до конференции в формате доклада с показательным эпиграфом — цитатой исполнительного директора МЭА Ф. Бирроля следующего содержания: *«Продолжать вести дела в сфере нефти и газа по-прежнему, надеясь на широкомасштабное внедрение технологий улавливания углерода, которое сократит выбросы, — просто фантазия»*¹¹.

Ключевая, реализованная в итоговом решении КС-28 рекомендация этого доклада — добиться фиксации универсальной договоренности о переходе человечества к 2050 году прочь от всего ископаемого топлива, причем сделать это без включения оговорки «с несокращенными выбросами», чтобы уже не оставлять ни малейшего пространства для дискуссий по поводу содержания данного термина, его количественных и качественных характеристик, и, главное, чтобы вообще исключить возможность оправдывать долгосрочное продолжение использования углеводородного сырья при помощи технологий CCS или его смешивания с низкоэмиссионными энергоносителями. Эта договоренность, как отмечается в докладе, важна не только для защиты климата, но также для борьбы с рядом «неклиматических» рисков и должна охватывать все страны, с тем пониманием, что

*расширение инфраструктуры ископаемого топлива необходимо немедленно прекратить повсеместно, но богатым, диверсифицированным странам-производителям ископаемого топлива придется как можно быстрее свернуть производство и значительно увеличить государственное финансирование на справедливых условиях для глобального энергетического перехода*¹².

¹¹ CIEL. (2023). *Oilchange report. Beyond abatement: securing a full phase out of fossil fuels at COP28*.

¹² <https://www.ciel.org/reports/beyond-abatement-securing-a-full-phase-out-of-fossil-fuels-at-cop-28/>
Ibid. P. 4–5.

Изложенная последовательность оформления сценария «зеленой энергетической революции» наглядно демонстрирует виртуозную технологию глобального управления: сначала на уровне КС-26 была сформирована тестовая позиция (призыв к повсеместному отказу от угля «с несокращенными выбросами»), затем на уровне МГЭИК эта позиция была ужесточена и расширена: написана мотивировочная часть «климатического приговора» уже всем видам ископаемого топлива «с несокращенными выбросами», а решением КС-28 была утверждена резолютивная часть «климатического приговора»: установка на всеобщий «переход прочь от ископаемого топлива», теперь уже без оговорки «с несокращенными выбросами», которая оставляла бы определенную гибкость. Содержащиеся в решении КС-28 условия, квалифицирующие установку на «переход прочь от ископаемого топлива», не изменяют это общее, заданное для всех государств, направление движения (Гудков, Энтин, 2025с).

В контексте приведенной хронологии не выглядит удивительным, что в июле 2025 года МС принял консультативное заключение, которое, серьезнейшим образом укрепив правовой фундамент международных климатических обязательств, отразило беспрецедентно негативное отношение к ископаемому топливу.

МС разрушил широко распространенные представления о «беззубости» международного климатического режима. Суд признал, что нормы о защите климата вытекают не только из международных климатических соглашений, но из гораздо более широкого круга договорно-правовых и обычно-правовых источников, порождают существенные юридические обязательства, наделенные статусом “*erga omnes*” (в отношении международного сообщества в целом), их нарушение влечет международно-правовую ответственность, а споры по поводу их выполнения могут рассматриваться в международных судах, предусмотренных применимыми источниками, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву.

МС признал, что климатические обязательства следует толковать и применять в свете решений КС и докладов МГЭИК. По оценке Суда, решения КС могут выполнять функцию «*последующих соглашений*» и формирования международных обычаев¹³. Доклады МГЭИК «*представляют собой наилучшую доступную научную информацию о причинах, характере и последствиях изменения климата*»¹⁴. Следовательно, они обладают несоизмеримо большим доказательным весом, нежели

¹³ International Court of Justice. Op. cit. Paragraphs 184, 288.

¹⁴ Ibid. Paragraphs 74, 284.

источники, в которых защищается альтернативная антропогенной естественная версия глобального потепления.

МС закрепил и ужесточил вынесенный ископаемому топливу «климатический приговор». Параграф 427 заключения указывает: *«непринятие государством надлежащих мер по защите климатической системы от выбросов парниковых газов, в том числе посредством производства и потребления ископаемого топлива, выдачи лицензий на разведку ископаемого топлива или предоставления субсидий на ископаемое топливо, может представлять собой международно-противоправное деяние, приписываемое этому государству»*.

Таким образом, Суд воспроизвел негативное отношение к любому ископаемому топливу (так же как в решении КС-28, без оговорки «с несокращенными выбросами»). Вредоносным для климата Суд назвал не только потребление, но также производство и финансирование ископаемого топлива. Поскольку тезис о вредоносности ничем не обусловлен, не поставлен ни в какие качественные или количественные рамки, он приобретает универсальный характер: поименованные Судом виды углеводородной деятельности считаются безусловно вредоносными повсеместно, в каком бы государстве и в каком бы объеме они ни осуществлялись. Одновременно Судом заложена основа для формирования презумпции противозаконности соответствующей деятельности.

Итак, за сравнительно короткий срок без изменения основополагающих международных соглашений было осуществлено ползучее радикальное реформирование международного режима защиты климата. Оно воплотилось в фиксации на универсальном межправительственном уровне стандартов, согласно которым признается климатическая вредоносность ископаемого топлива, необходимость существенного сокращения его доли в мировом энергетическом балансе с одновременным увеличением доли ВИЭ, а поглощению парниковых газов из атмосферы отводится маргинальная функция, сводящаяся к компенсации лишь тех выбросов, которые технологически не устранимы у источников. В формировании и закреплении этих стандартов важную роль сыграли креативные юристы, эффективно работающие на идеологов «зеленой энергетической революции».

Используя образное сравнение, не будет преувеличением сказать, что ползучее реформирование международного режима защиты климата осуществляется по «принципу храповика»: «регулятивная удавка» на шее нефтегазовой отрасли поступательно, уверенно и умело затягивается,

причем с каждым движением петля становится все туже, а ослабление не допускается.

2. Правовой эффект универсальных климатических стандартов и проблема дисбаланса глобальной климатической политики

2.1. Правовые последствия применения универсальных климатических стандартов

Универсальные климатические стандарты обладают большим стратегическим весом, применяются международными организациями, используются в климатическом судопроизводстве, масштабы которого повсеместно в мире увеличиваются, и которое, как показывают недавние прецеденты ЕСПЧ и ВТО, становится частью уже не только национальной, но также региональной и международной систем разрешения споров (Гудков, 2024, с. 194–277).

В этом смысле универсальные климатические стандарты имеют все шансы превратиться в мощное и эффективное «юридическое оружие нового поколения»¹⁵.

Во-первых, они могут использоваться для обоснования исков о возмещении климатического ущерба и о корректировке суверенных энерго-климатических политик.

Поскольку обычно-правовое — применимое ко всем без исключения государствам — обязательство включает *«принятие всех мер, которые были в силах государства, для предотвращения значительного ущерба климатической системе»*¹⁶, оно предположительно будет трактоваться как подразумевающее необходимость посильного отказа от деятельности в области ископаемого топлива, так как только эта деятельность прямо названа МС безусловно вредоносной для климата.

Судьи МС Бхандари (Индия) и Кливлэнд (США) в отдельной декларации сочли необходимым пойти дальше и уточнить, что, по их мнению, указанное обычно-правовое обязательство требует от государств проводить регуляторную политику, направленную на отказ от ископаемого топлива¹⁷.

Международные обычаи связывают все страны мира, вне зависимости от их участия или неучастия в международных климатических

¹⁵ Гудков, И. В. (2024). *Климат: повестка для БРИКС+*. Дипломатическая академия МИД России. <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/>

¹⁶ International Court of Justice. Op. cit. Paragraph 409.

¹⁷ International Court of Justice. Joint Declaration of Judges Bhandari and Cleveland of 23 July 2025. <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-06-en.pdf>

соглашениях, следовательно, даже выход из этих соглашений не избавляет государство от бремени выполнения обычно-правовых обязательств.

Моделируя применение в конкретном споре обычно-правового обязательства по предотвращению значительного ущерба климатической системе с учетом решений КС, докладов МГЭИК и заключения МС, вырисовывается следующая картина.

Исходно признается, что государство обязано принимать все посильные меры для отказа от климатически вредоносной деятельности в области ископаемого топлива.

Далее устанавливается, сделало ли государство с учетом его «*национальных обстоятельств, путей и подходов*» всё, что было в его силах, для надлежащего вклада в глобальные усилия по «*переходу прочь от ископаемого топлива в энергетических системах справедливым, упорядоченным образом, усиливая действия в это критически важное десятилетие*»¹⁸.

В качестве доказательств используются доклады МГЭИК, которые репрезентативно отражают исторические и актуальные эмиссионные вклады каждого государства в изменение климата и фиксируют целевые количественные установки по сокращению использования ископаемого топлива. Наличие такой мощной научной доказательной базы ставит международный режим защиты климата в уникальное положение среди других международных экологических режимов. Основываясь на научных данных МГЭИК, гипотетически можно декомпозировать универсальный стандарт на национальный уровень.

При установлении нарушения последствия определяются на базе международного обычного права в зависимости от предмета иска. Иски о компенсации климатического ущерба, как признает МС, являются наиболее проблематичными, так как точный размер компенсации сложно рассчитать¹⁹. Соответственно, закладывается стимул к развитию практики стратегических исков, направленных на прекращение вреда посредством корректировки суверенных политик и/или на его возмещение посредством реституции или сатисфакции.

Исходя из сформированных на национальном и региональном уровнях подходов, стратегические иски при их удовлетворении могут приводить к разным решениям: констатации нарушения (мягкий вариант), констатации нарушения с предписанием внедрить к определенному сроку или скорректировать целевой климатический показатель (средний вариант),

¹⁸ Приведенные в кавычках цитаты воспроизводят условия, которыми в решении КС-28, обставлено выполнение установки на «переход прочь от ископаемого топлива».

¹⁹ International Court of Justice. Op. cit. Paragraph 454.

констатации нарушения с требованием о внедрении целевого климатического показателя и предписанием выполнить этот показатель (жесткий вариант).

Установка на «переход прочь от ископаемого топлива» может быть также инкорпорирована в конвенционное обязательство, которое связывает только участников международных климатических соглашений.

Конвенционное обязательство требует от участников регулярного обновления определяемых на национальном уровне вкладов (далее — ОНУВ) и принятия мер по их выполнению. МС пояснил, что *«уровень амбиций, который должен быть отражен в ОНУВ, не оставлен полностью на усмотрение участников»*, ОНУВ должны быть способны вносить адекватный вклад в достижение основной температурной цели, и участникам надлежит прилагать *«все усилия»* (англ.: *best efforts*) к выполнению ОНУВ²⁰. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш уже поспешил обратиться ко всем странам с просьбой включить установку на «переход прочь от ископаемого топлива» в свои новые ОНУВ, предусмотрев в них план действий по сворачиванию углеводородной деятельности²¹.

Во-вторых, присвоенный международным климатическим обязательствам статус *“erga omnes”* позволяет любым государствам и группам государств, действуя в интересах всего международного сообщества, применять к предполагаемым нарушителям меры имплементации международно-правовой ответственности.

Речь идет о введении против предполагаемых нарушителей односторонних ограничительных мер, не предусмотренных Уставом ООН²². С высокой степенью вероятности, такой возможностью не преминет воспользоваться ЕС, агрессивно проводящий «зеленый курс» и имеющий амбиции стать глобальным лидером в этой сфере.

В-третьих, учитывая отсутствие правовых барьеров для межотраслевого применения универсальных климатических стандартов, они могут использоваться в экономических отношениях для легитимации дискриминационного отношения к ископаемому топливу и преференциального отношения к ВИЭ.

Дискриминация способна принимать самые разнообразные формы, включая отзыв существующих и запрет новых углеводородных лицензий,

²⁰ International Court of Justice. Op. cit. Paragraphs 245, 270.

²¹ Mishra, V. (July 22, 2025). UN's Guterres declares fossil fuel era fading; presses nations for new climate plans before COP30 summit. *United Nations*.
<https://news.un.org/en/story/2025/07/1165460>

²² О роли обязательств *“erga omnes”* в контексте односторонних ограничительных мер см.: Гудков и Энтин (2025a).

расторжение действующих и запрет новых углеводородных долгосрочных контрактов, увязывание финансово-технологического содействия развивающимся странам с их отказом от ископаемого топлива и обязательным переходом на ВИЭ.

Это последствие — легитимация дискриминационного отношения — в практическом ключе может оказаться наиболее серьезным. В отличие от долгого и дорогого климатического судопроизводства в отношении государств-нарушителей и в отличие от внесудебного применения к ним односторонних санкций за нарушение климатических обязательств *erga omnes*, дискриминация будет сфокусирована не на субъектах, а на объекте — ископаемом топливе, и основываться она будет не на тезисе о противозаконности углеводородной деятельности, который необходимо было бы доказывать в каждом конкретном деле, а на тезисе о ее безусловной вредоносности для экзистенциально важной климатической системы, — тезисе, который, будучи сформулирован в Шестом оценочном докладе МГЭИК и поддержан в решении КС-28, получил признание МС, и будет теперь преподноситься как универсальный стандарт. Таким образом, легитимной дискриминация будет объявляться по той причине, что она оправдана публичным эколого-климатическим интересом, который научно верифицирован и официально признан всем международным сообществом государств.

В этой же логике будет оправдываться маргинализация природных решений. Отказ от их полноценного учета, в том числе в качестве базиса для выпуска ликвидных углеродных единиц и в качестве средств нейтрализации углеродного следа продукции будет преподноситься как легитимное решение в контексте универсальной, научной верифицированной установки на «переход прочь от ископаемого топлива».

При появлении реальных экономических и технологических предпосылок к структурному изменению мирового энергетического баланса, о которых как об уже свершившемся факте говорят МЭА и Секретариат ООН, этот инструмент легитимной дискриминации будет задействован на полную мощность в целях обоснования искусственного, ускоренного административно-командного уничтожения отрасли ископаемого топлива с попыткой переложить сопутствующие финансовые риски на государства — экспортеры углеводородного сырья и на нефтегазовых инвесторов²³.

²³ Гудков, И.В. (2024). *Климат: повестка для БРИКС +*. Дипломатическая академия МИД России. <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/>

2.2. Проблема дисбаланса современной глобальной климатической политики

Притом что последствия применения универсальных климатических стандартов, как показано выше, являются стратегически значимыми, открытым остается наиболее важный и самый дискуссионный вопрос: как конкретно должна быть распределена между государствами нагрузка в выполнении ими международных климатических обязательств?

Заключение МС не дает ответа на этот вопрос, оставляя его в подвешенном состоянии. За принципами общей, но дифференцированной ответственности, справедливости, устойчивого развития и предосторожности, которые, как ожидалось, могли бы дать ключ к ответу на этот вопрос, МС не признал способности порождать самостоятельные новые нормы международного права. Он отвел им важную, но вспомогательную роль руководящих принципов по толкованию и применению в конкретных делах уже существующих обычно-правовых и договорно-правовых норм.

Однако Суд обошел стороной ключевой аспект дифференциации: историческую ответственность развитых стран за антропогенное изменение климата в период с начала промышленной революции до появления международно-правовых обязательств по защите климата. Именно на этом временном отрезке в атмосфере был накоплен основной объем антропогенных парниковых газов, спровоцировавший, в понимании МГЭИК, глобальное потепление, но хозяйственная деятельность человека, вызывающая изменение климата, тогда никак юридически не ограничивалась и была полностью правомерной. Признавая ответственность за климатический вред, причиненный только международно-противоправной деятельностью, Суд тем самым фактически исключил историческую ответственность за основной вред, нанесенный климатической системе правомерной деятельностью развитых стран. В связи с этим, как указывает судья Нольте (Германия), заключение не должно порождать «обманчивых надежд» на компенсацию исторического климатического ущерба²⁴.

Неудивительно, что консультативное заключение Суда, хотя формально было принято единогласно, в реальности вызвало критические замечания со стороны ряда судей, прежде всего, из развивающихся государств. Так, судья Сюэ (КНР) критикует заключение за необоснованный отказ принципу общей, но дифференцированной ответственности в самостоятельном

²⁴ International Court of Justice. Declaration of Judge Nolte. <https://icj-web.ileman.un-icc.cloud/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-07-en.pdf>

нормативном значении, ослабляющий его роль, а также за неполноценный учет принципа устойчивого развития и необходимости обеспечения внутри-поколенческой справедливости между развитыми и развивающимися странами²⁵. Судья Юсуф (Сомали) сетует на то, что МС проявил «экстремальный формализм» и уклонился от формулирования конкретных параметров дифференцированной ответственности, которую развитые государства несут за свои исторические эмиссии перед развивающимися и наиболее уязвимыми от изменения климата государствами.²⁶ Судья Себутинде (Уганда) указывает на то, что МС неадекватно рассмотрел проблему дисбаланса между основными эмитентами парниковых газов и странами с незначительными накопленными эмиссиями.²⁷ Судья Томка (Словакия) полагает, что МС проявил юридический активизм, выйдя за пределы поставленных перед ним вопросов²⁸.

Выведа развитые страны из-под наиболее опасного удара, Суд оставил вопрос о дифференциации межстранового распределения бремени выполнения климатических обязательств для разрешения одним из следующих способов: путем переговоров, которые приведут к универсальному межгосударственному консенсусу, либо путем судебных разбирательств, которые воплотятся в решениях по конкретным делам.

Переговорный путь ввиду кризиса глобальной климатической политики на текущем этапе выглядит нереалистичным.

Судебный путь, будучи реалистичным, выглядит неоптимальным по следующим причинам.

Прежде всего, международное правосудие не подходит на роль регулятора чувствительных вопросов в сфере суверенных энерго-климатических политик. Кроме того, практика может развиваться непоследовательно, что создает существенный фактор непредсказуемости.

Серьезнейший риск состоит в том, что в юридической плоскости произойдет эрозия, размывание и разбалансировка принципа общей, но дифференцированной ответственности: ее «общий» и «дифференцированный» элементы будут разъединены. Универсальные климатические стандарты, которые сформулированы уже достаточно конкретным образом,

²⁵ International Court of Justice. Separate Opinion of Judge Xue. <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-04-en.pdf>

²⁶ International Court of Justice. Separate Opinion of Judge Yusuf. <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-03-en.pdf>

²⁷ International Court of Justice. Separate Opinion of Vice-president Sebutinde. <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-01-en.pdf>

²⁸ International Court of Justice. Declaration of Judge Tomka. <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-02-en.pdf>

будут применяться как автономные нормы права ко всем государствам («общая ответственность»), а дифференциация («дифференцированная ответственность») — наряду с устойчивым развитием, справедливостью и предосторожностью — останется абстрактной концепцией, лишенной конкретного содержания. Исключение составляют те немногие субстантивные аспекты дифференциации, которые уже прямо зафиксированы на конвенционном уровне: право развивающихся стран на более позднее прохождение пика выбросов парниковых газов и обязательство развитых стран оказывать развивающимся странам финансово-технологическое содействие для низкоэмиссионного развития.

При таком раскладе, а именно его, как показано выше, имеют в виду идеологи «зеленой энергетической революции», переход от ископаемого топлива к ВИЭ становится обязательством каждого государства с тем лишь отличием, что развивающиеся государства вправе осуществить его позже, а развитые государства должны им в этом помочь деньгами и технологиями. Операционные вопросы, в том числе насколько позже может быть осуществлен переход, каковы национальные возможности и условия, каковы количественные параметры требуемого сокращения в использовании ископаемого топлива и т.п., становятся вопросами второго порядка. Некоторые из них могут быть разрешены при помощи последних достижений современной климатической науки, освоившей методику моделирования и декомпозиции универсальных стандартов на национальный уровень.

Формируемый при таком раскладе общий для всех государств универсальный стандарт перехода от ископаемого топлива укрепляется, то есть «общая ответственность», наполняясь конкретным содержанием, становится реальной. Дифференциация, в свою очередь, выхолащивается, ослабляется, сводится к конвенционному минимуму, а в части, не покрытой этим минимумом, отправляется в «правовое чистилище» вместе с абстрактными принципами справедливости, устойчивого развития и предосторожности, то есть «дифференцированная ответственность» становится формальной.

В связи с этим возникает вопрос: если такой, устраивающий идеологов «зеленой энергетической революции», расклад становится юридически возможным, отражает ли он в действительности то, о чем договорились все государства, принимая универсальным консенсусом решения МГЭИК и КС?

По этому поводу есть весомые сомнения. Они вытекают не только из критических мнений, озвученных рядом судей МС в ходе консультативного разбирательства. Как судьи, формально единогласно проголосовавшие за принятие заключения, но высказавшие в его отношении критические

замечания, так и официальные представители государств, формально поддерживавшие универсальный консенсус МГЭИК и КС, в действительности не факт, что отразили тем самым реальное и полноценное согласие представляемых ими государств и государств, в гражданстве которых они состоят.

Присущая международному режиму защиты климата «конструктивная двусмысленность», проблема «трудностей перевода», привычное для некоторых государств восприятие решений КС и докладов МГЭИК исключительно как необязательных документов политического и научного сотрудничества, не ограничивающих суверенную дискрецию в энерго-климатической сфере, избыточный расчет на защитную силу ряда принципов (в том числе общей, но дифференцированной ответственности), связанные с этим упущения в глубокой и целостной юридической экспертизе принимаемых многостраничных документов — все эти факторы могут свидетельствовать о том, что, промолчав при формировании универсального консенсуса, представители государств в реальности поддерживали не столько сам предлагаемый текст, сколько свою интерпретацию текста.

Сложно, например, представить, что все государства — экспортеры углеводородного сырья в действительности согласились бы с тем, что их, зафиксированное в решении КС-28, намерение внести посильный вклад в глобальный «переход прочь от ископаемого топлива» может превратиться в часть их обычно-правового жесткого обязательства, контроль за выполнением которого делегирован международным органам по разрешению споров.

Было бы трудно поверить, что, поддержав выводы Шестого оценочного доклада МГЭИК о необходимости значительного сокращения в использовании ископаемого топлива к 2050 году, все государства — экспортеры углеводородного сырья в действительности согласились с тем, что теперь их продукция может быть легитимно поставлена «вне закона» в международных экономических отношениях и что против нее под предлогом защиты публичного эколого-климатического интереса могут быть развернуты всевозможные ограничения и запреты.

Аналогичным образом вряд ли можно предположить, что Россия, где до сих пор в политических, деловых и научных кругах ведутся активные споры об антропогенной природе изменения климата, с высоких трибун озвучивается резкая критика «зеленой энергетической революции» и официально делается ставка на природные решения как на основное средство климатической политики, действительно согласилась бы с тем, что предусмотренная Шестым оценочным докладом МГЭИК приоритезация

функции сокращения выбросов у источников и маргинализация функции поглощения парниковых газов из атмосферы является стандартом, общеприменимым ко всем государствам. Такое согласие было бы равнозначно согласию на фактическое отклонение от принципа постоянного суверенитета над имеющимися у государства поглотительно-накопительными способностями экосистем, поскольку возможности распоряжения ими в целях балансировки страновых эмиссий парниковых газов были бы ограничены, а углеродные единицы, генерированные на их базе, были бы в значительной степени обесценены²⁹.

Несмотря на все сомнения в реальности всеобщего согласия государств на принятые консенсусом решения, следует признать, что при переводе климатических споров в юридическую плоскость толкование и применение документов будет осуществляться на базе буквального значения их терминов в контексте их объекта и целей. То есть в части утвержденных консенсусом документов приоритет будет отдаваться тому, что прямо в них написано, а не тому, что подразумевали отдельные государства. Также и в части заключения МС приоритет будет отдаваться тому, что прямо написано в единогласно принятом акте, а не отдельным мнениям судей. Поэтому вполне можно предположить, что при передаче вопросов о соблюдении универсальных климатических стандартов в правовую плоскость решения правоприменительных инстанций будут существенно отличаться от ожиданий государств-экспортеров ископаемого топлива и могут стать для них по-настоящему неприятным сюрпризом.

Говоря иными словами, в условном правовом конфликте МЭА и ОПЕК чаша судебных весов, как это видится сейчас, в свете принятых КС, МГЭИК и МС документов, склоняется в пользу продвигаемого МЭА сценария «зеленой энергетической революции».

3. «Развилка принятия решений» по вопросу об образе «зеленого будущего»

Консультативное разбирательство в МС, выпукло обнажившее сутевые дисбалансы и юридические риски современной глобальной климатической политики, ставит международное сообщество перед «развилкой принятия решений» по поводу целевого образа «зеленого будущего».

Эту развилку необходимо пройти до того, как из заключения Суда, как из ящика Пандоры, на свет будут выпущены многочисленные конфликты с

²⁹ Гудков, И. В. (2024). Климат: повестка для БРИКС+. Дипломатическая академия МИД России. <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/>

непредсказуемыми результатами. Предстоящая КС-30 могла бы стать поворотной вехой в истории международного режима защиты климата³⁰.

«Развилка принятия решений» выглядит следующим образом:

- Принять сложившуюся реальность («что написано пером, не вырубишь топором»): согласиться с зафиксированным вектором на всеобщую «зеленую энергетическую революцию», придав ей окончательный и необратимый характер. Согласие будет означать признание обязательства по коренной трансформации экономик всех государств в целях «перехода прочь от ископаемого топлива» к ВИЭ, принятие рисков международно-правовой ответственности за его невыполнение, а также признание правомерности дискриминации ископаемого топлива и маргинализации природных решений как допустимых средств балансировки выбросов от углеводородной инфраструктуры. В этом случае заключение МС станет победным гимном «зеленой энергетической революции».

Или

- Реформировать текущий подход («всё течет, все меняется»): официально опротестовать вектор на всеобщую «зеленую энергетическую революцию» в связи с обнажившимися в ходе консультативного разбирательства в МС дисбалансами и рисками. При выборе этого варианта заключение Суда превратится для «зеленой энергетической революции» в ее похоронный марш.

Третий путь — «закрыть глаза»: несмотря на вопиющее заключение Суда, молчаливо игнорировать универсальные климатические стандарты, отражающие сценарий «зеленой энергетической революции», с расчетом на то, что от них удастся укрыться в национальных границах, выстроив внутри государства параллельную реальность, и в надежде на то, что глобальная климатическая повестка вскоре «развалится».

Этот путь представляется легкомысленным и контрпродуктивным: молчание, согласно принципу эстоппель, будет приравнено к согласию с универсальными стандартами, а установление незаконности отличающихся от них национальных правил станет лишь вопросом времени. При этом выход из международных климатических соглашений принципиально не меняет ситуацию, так как обычно-правовые обязательства продолжают связывать все без исключения государства.

³⁰ С учетом того, что на предыдущей КС-29, состоявшейся в 2024 году в Баку, вопрос об энергетическом переходе не получил дальнейшего развития, а был оставлен для уточнения на следующей конференции. Dodson, J. (2024, November 27). From Finance to Fossil Fuels: COP29 Outcomes and Business Implications. *WBCSD*. <https://www.wbcsd.org/news/from-finance-to-fossil-fuels-cop29-outcomes-and-business-implications/>

При выборе варианта реформирования для его реализации необходимым было бы формирование представительной «протестной коалиции» стран. В нее, наряду с заинтересованными странами Глобального большинства, потенциально могли бы войти США, новая администрация которых взяла максимально критический курс в отношении «зеленой повестки».

Конкретными тактическими шагами «климатической контрреволюции» могли бы стать следующие меры.

Во-первых, безотлагательное инициирование на основании принципа предосторожности международной междисциплинарной научной проверки сценария всеобщей «зеленой энергетической революции» (предусмотренного решением КС-28 форсированного глобального перехода от ископаемого топлива к ВИЭ). Цель проверки — полноценно и объективно оценить совокупный эколого-климатический след, природно-ресурсную, финансово-ресурсную обеспеченность и социально-экономические последствия данного сценария³¹. На период до завершения проверки и утверждения всеобщим консенсусом ее результатов — введение «моратория» на применение стандартов, отражающих идеологию «зеленой энергетической революции», в качестве установок, отражающих волю всего международного сообществ государств, а именно: документальная фиксация отсутствия универсального консенсуса по вопросам о:

- существовании общеприменимого ко всем государствам стандарта «перехода прочь от ископаемого топлива» с лежащими в его обосновании расчетами МГЭИК;
- возможности применения выводов Шестого оценочного доклада МГЭИК, решения КС-28 и консультативного заключения МС в частях, касающихся ископаемого топлива, в международных экономических отношениях и в каких-либо международных разбирательствах.

Во-вторых, документальная фиксация на международном межгосударственном уровне следующих тезисов:

- Содержание центрального в области защиты климата принципа общей, но дифференцированной ответственности на текущем этапе в международном праве не раскрыто (обоснование — отдельные мнения судей МС, прежде всего, судьи Сюз от КНР). Дифференциация не сводится к предусмотренным действующими конвенционными нормами и решениями КС аспектам, так как они не отражают в достаточной мере

³¹ Модель целостной многофакторной оценки «зеленого перехода» см.: Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2025). Климат и право: как сформулировать привлекательный образ справедливого «зеленого будущего». *Международные процессы*.

диспропорциональный исторический вклад развитых государств в антропогенное изменение климата.

- Толкование и применение каких-либо международно-правовых стандартов климатического поведения не допускается изолированно от принципов общей, но дифференцированной ответственности (с учетом необходимости его уточнения на базе универсального консенсуса, а не через судебные споры), справедливости, устойчивого развития и предосторожности.
- Указанный перечень принципов должен быть дополнен принципом постоянного суверенитета над природными ресурсами, так как он также играет ключевую роль в «зеленом переходе», защищая права государств на распоряжение всеми необходимыми для низкоэмиссионного развития естественными богатствами, включая энергетические ресурсы, неэнергетические минералы и поглотительно-накопительные способности экосистем.

В-третьих, запуск многосторонних межгосударственных климатических клубов, признающих научно обоснованные климатические решения, альтернативные «зеленой энергетической революции», и допускающие в отношениях между членами клубов трансграничный оборот углеродных единиц, основанных на таких решениях³².

Конечной стратегической целью «климатической контрреволюции» мог бы стать запуск в мире альтернативного, более справедливого, сценария «зеленого перехода».

Если на стяге «зеленой энергетической революции» изображен лозунг «оставляйте ископаемое топливо под землей» (англ.: *LFFU: leave fossil fuels underground*), то знамя «контрреволюции» могло бы развеяться под девизом «богатые страны, потребляйте меньше» (англ.: *RCCL: rich countries, consume less*).

В основе этой новой установки лежит тезис о том, что при сохранении неустойчивой модели потребления уничтожение отрасли ископаемого топлива не приведет к решению климатической проблемы, а будет по эффективности сродни лечению алкоголизма при помощи вырубki виноградников. Колониальное неравенство в мире будет сохраняться, а климатические, экологические, энергетические и продовольственные кризисы — масштабироваться и усугубляться³³.

Практическое продвижение новой установки потребовало бы внедрения научно обоснованной модели дифференцированного устойчивого

³² Гудков, И. В. (2024). Климат: повестка для БРИКС+. Дипломатическая академия МИД России. <https://www.dipacademy.ru/press/doklad-klimat-povestka-dlya-briks/>

³³ Там же.

потребления, основанной на концепции подушевых углеродных бюджетов. На ее базе необходимо было бы сформировать объективный и верифицируемый стандарт дифференцированного межгосударственного распределения бремени выполнения международных климатических обязательств³⁴. Если такой стандарт нереалистично сформировать «сверху» на межгосударственном макроуровне, то остается потенциал для того, чтобы попытаться внедрить его «снизу» на межлическом микроуровне. Инновационным решением мог бы стать цифровой индивидуальный измеритель добродетельной и устойчивой жизни, который рассчитывал бы вклад каждого конкретного индивида (с учетом дифференцированной нагрузки на граждан развитых и развивающихся государств) в решение природоохранных и социальных проблем, и воодушевлял бы людей на переход от эгоистичной и потребительской к одухотворенной и осмысленной культуре повседневной жизни.

Заключение

Идеологи современной «зеленой энергетической революции», покушающиеся на разрушение традиционного мирохозяйственного уклада, всерьез и не без определенных на то оснований верят, что «гильотина легальная», построенная в впечатляюще сжатые сроки по их хитроумному проекту для ископаемого топлива, превратится в «гильотину реальную».

У России есть богатый исторический опыт как совершения революций, так и противодействия им.

Ответ на животрепещущий вопрос о том, куда следует поставить запятую в названии настоящей статьи, всецело зависит от фактора политической воли и ее эффективного юридического оформления.

Молчание будет означать, что вынесенный ископаемому топливу приговор подлежит исполнению, которое не заставит себя долго ждать. Исполнение приговора проявится не в том, что завтра все государства поголовно начнут сворачивать углеводородную деятельность. И не в том, что судебные приставы-исполнители вскоре придут опечатывать нефтегазовые скважины и угольные шахты по всему миру. Оно воплотится в (не опротестованном) утверждении для ископаемого топлива и связанных с ним активов невыносимых регулятивных условий существования,

³⁴ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. (2025). Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России. <https://ecfor.ru/publication/natsionalnyj-doklad-o-klimaticheskoy-povestke-v-rossii/>; Бобылев, С. Н., Кошкина, Н. Р., Курдин, А.А., Мальцев, А. А., Юргенс, И. Ю. (Ред). (2025). Доклад «Оценка перспектив и разработка механизмов справедливого международного сотрудничества в сфере низкоуглеродного развития и адаптации к изменениям климата с учетом социокультурных факторов». Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

которые будут отпугивать долгосрочных инвесторов от этой отрасли и стимулировать их к вложению денежных средств в конкурирующую отрасль ВИЭ. Невыносимыми условия для ископаемого топлива могут сделать такие факторы, как его легитимная дискриминация, сопровождаемая переложением финансовых рисков на инвесторов и экспортеров, разворачивание серии стратегических исков и санкционных мер против государств — потенциальных нарушителей климатических обязательств, в которые инкорпорируется стандарт «перехода прочь от ископаемого топлива», а также непризнание природных решений как надлежащих и полноценных средств нейтрализации углеродного следа от ископаемого топлива и созданной на его базе продукции.

Действенный (безотлагательный и юридически грамотно оформленный) международный протест, напротив, будет способен привести к демонтажу универсального консенсуса по поводу стандартов, отражающих идеологию «зеленой энергетической революции», и к расчистке пути для продвижения альтернативного, более справедливого сценария, адекватно и целостно отражающего наряду с климатическим целеполаганием концепцию дифференцированной ответственности, а также принципы справедливости, устойчивого развития и постоянного суверенитета над природными ресурсами.

Список литературы / References

1. Гудков, И. В. (2023). «Климатический приговор» ископаемому топливу: окончательный и обжалованию не подлежит? *Энергетическая политика*, 12(191), 46–59.
Gudkov, I. V. (2023). "Climate verdict" to fossil fuels: final and not appealable? *Energy Policy*, 12(191), 46–59.
2. Гудков, И. В. (2024). *Энергетический переход и право: климат, торговля, инвестиции*. МГИМО-Университет.
Gudkov, I. V. (2024). *The energy transition and law: climate, trade, investment*. MGIMO University.
3. Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2025а). Односторонние «антироссийские» санкции: как усилить ответ. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 21(3), 53–69.
<https://doi.org/10.61205/S199132220034841-1>
Gudkov, I. V., Entin, M. L. (2025a). Unilateral "anti-Russian" sanctions: how to strengthen the response. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 21(3), 53–69.
<https://doi.org/10.61205/S199132220034841-1>
4. Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2025b). [Принято к публикации]. Обязательства государств по защите климата: консультативное

- заклучение Международного суда ООН. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 21(5).
- Gudkov, I. V., Entin, M. L. (2025b). [Forthcoming]. State Obligations on Climate Protection: Advisory Opinion of the International Court of Justice. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 21(5).
5. Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2025с). [Принято к публикации]. Климат и право: как сформулировать привлекательный образ справедливого «зеленого будущего». *Международные процессы*.
Gudkov, I. V., Entin, M. L. (2025с). [Forthcoming]. Climate and law: how to formulate an appealing vision of a just "green future". *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*.
6. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. (2025). *Первый ежегодный национальный доклад о климатической повестке в России*. Institute of Economic Forecasting, RAS. (2025). *First Annual National Report on the Climate Agenda in Russia*.
7. Бобылев, С. Н., Кошкина, Н. Р., Курдин, А. А., Мальцев, А. А., Юргенс, И. Ю. (Ред). (2025). Доклад «Оценка перспектив и разработка механизмов справедливого международного сотрудничества в сфере низкоуглеродного развития и адаптации к изменениям климата с учетом социокультурных факторов». Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.
Bobylev, S. N., Koshkina, N. R., Kurdin, A. A., Mal'tsev, A. A., & Yurgens, I. Yu. (Eds.). (2025). *Report "Assessment of prospects and development of mechanisms for fair international cooperation in low-carbon development and climate change adaptation, taking into account socio-cultural factors"*. Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.
8. Сечин, И. И. (2025). Новый облик мировой энергетики. *Вестник МГИМО-Университета*, 18(4), 137–163.
<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-137-163>
Sechin, I. I. (2025). The Emerging Global Energy Landscape. *MGIMO Review of International Relations*, 18(4), 137–163.
<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-137-163>
9. Bataille, C., al Khourdajie, A., de Coninck, H., de Kleijne, K., Nilsson, L. J., Bashmakov, I., Davis, S. J., & Fennell, P. S. (2025). Defining 'abated' fossil fuel and industrial process emissions. *Energy and Climate Change*, 6.
<https://doi.org/10.1016/j.egycc.2025.100203>
10. IPCC, 2022: Summary for Policymakers. (2022). In P.R. Shukla, J. Skea, R. Slade, A. Al Khourdajie, R. van Diemen, D. McCollum, M. Pathak, S. Some, P. Vyas, R. Fradera, M. Belkacemi, A. Hasija, G. Lisboa, S. Luz & J. Malley. *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/9781009157926.001>

11. Lee, H., & Romero, J. (Eds.). (2023). *Climate Change 2023: Synthesis Report. Summary for Policymakers*. Intergovernmental Panel on Climate Change.